
Виктор ШАПКИН

ПОВЕСТЬ ОБ ОТЦЕ

Я посвятил эту небольшую повесть моему отцу, простому трудяге великой войны. Она написана по воспоминаниям бати и его боевых друзей.

В 1937 году он окончил Ленинградское летное училище, где учились такие признанные асы, как Владимир Коккинаки и Николай Каманин.

Начинал службу в 50-й истребительной авиационной эскадрилье Забайкальского военного округа.

Войну встретил в составе 15-й Воздушной армии.

О войне говорить не буду — все описано в повести, скажу только, что воевал достойно, прошел ее, как говорится, от звонка до звонка.

Когда в начале 50-х стали переходить с «поршней» на реактивную технику, уволился в запас.

Послевоенная судьба его сложилась непросто: в результате давнего тяжелого ранения в голову ослеп, но продолжал оставаться бодрым и подтянутым.

Воспитывал меня один с семнадцати лет (мать умерла рано), был строг, зато справедлив.

Успел даже встретить 50-летие Победы, помянуть внушек и скончался в 1997 году в возрасте 88 лет.

Моей задачей было сказать правду о войне, не написать очередную сказку, оперетку, где больше поют, чем воюют, или стрелялку под Голливуд, а показать ее такой, как она есть, без прикрас, чтоб обожгло, дошло до сердца.

Как это получилось, судить вам.

Июнь 1941-го. Полевой аэродром под Шяуляем в Литве. Раннее утро.

Младший лейтенант по прозвищу Казак выглядывает из палатки.

С неба пикируют самолеты с крестами.

Казак кричит:

— Ребята, война!

Из палатки откликаются:

— Да брось ты, какая война!

И тут — стрельба, разрывы бомб.

Все выскакивают из палаток. Падают убитые, раненые.

Казак бежит к ангару.

А дежурные самолеты, выстроенные в линеечку, уже горят.

Вбегает в ангар, бросает технику:

— Давай выкатывай «ишака».

Садится в И-16, запускает двигатель. Взлетает.

К нему подстраивается еще один истребитель. Качает крыльями: «Внимание! За мной!»

Виктор Николаевич Шапкин — литератор, режиссер, переводчик, лингвист. Окончил переводческий факультет НГЛУ им. Н. А. Добролюбова (немецкий, английский языки) и ВТК ГИТИСа (режиссура). До 2010 года был главным режиссером Театра пластической драмы «Преображение» (Нижний Новгород); с 2010-го — фрилансер. Автор двух романов. Живет в Нижнем Новгороде.

Идут на границу.

Граница прорвана, шагают колонны, деревни горят.

«Ишак»-напарник пикирует, летят огненные трассы. Казак — за ним.

Паника. Тут промахнуться невозможно — такие плотные колонны.

Когда кончаются патроны, снижаются до упора и на бредущем колесами утюжат разбегающимся немцам головы.

Все борта забрызганы кровью.

Прифронтовой аэродром подо Ржевом.

Казак принимает свой первый самолет Як-1. Смотрит, самолет грязный, механик грязный.

— Вон банка бензина, возьми, постирайся, чтоб орел был!

— Командир, ты у меня седьмой.

— И последний. Будешь плохо самолет готовить — расстреляю прямо здесь. Идет?

— По рукам.

— Тебя как звать-то?

— Николай. Дробыш.

— Тезка, значит. Ты извини, тезка, порядок есть порядок.

Идут шесть «яков». Вдали от дыма и гари волнами туманится горизонт. Чуть левее в лучах солнца поблескивают колокольни Ржева.

Над линией фронта встречают тридцать бомбардировщиков Ю-87 под прикрытием восьмерки «мессеров». Завязывается бой, а тут еще шестнадцать Ме-109 подваливают.

Наших всех посбивали, только Казак с грехом пополам выходит из боя.

Самолет горит, да вдобавок ему кисть правой руки перебило, кровь хлещет. Выпадает из кабины, рвет левой рукой кольцо, а парашют не раскрывается. Летит к земле камнем. Его в воздухе крутануло пару раз, и перед самой землей купол раскрылся (оказывается, часть строп перебита пулями). Плюхается в грязь — только брызги во все стороны.

После боевого вылета комполка по прозвищу Отец принимает доклад комэска-3 по прозвищу Король.

— Товарищ комполка, группа провела воздушный бой. Потеряли один самолет.

— А сколько сбили?

— Ничего и никого.

— Довоевались. А чего глаза красные?

— От ветра.

— Понятно. Не обедал?

— Нет.

— Я тоже. Пойдем пообедаем.

Четыре пары «яков» идут накрытие переднего края.

Справа встречным курсом прет девятка «бомберов» Ю-87.

Казак, по радио:

— Атас, справа — «лаптежники»!

Заходит пикированием. С первой атаки сбивает «юнкерса», но тут его атакует сперва одна пара 109-х — промахиваются. Тогда вторая пара «мессов» попадают в бочину осколочно-фугасным.

Мотор глохнет. Казак, имитируя хаотичное падение, пытается оторваться — не тут-то было.

Они — за ним, чтоб добить, но внизу на двух тыщах их встречают два «ишака» с соседнего аэродрома. Завязывается бой.

Меж тем Казак кое-как выравнивает машину и приземляется на пшеничное поле. Самолет капотирует — переворачивается вверх тормашками.

Тяжелый бой над Волгой, под Сталинградом. Немцев много, наших мало. Горят «яки», уходят под лед.

Казак садится после боевого вылета. Его встречает Тезка.

— Как?

— Труба, брат. Приходят по шестьдесят-семьдесят штук, что мы восьмеркой можем сделать.

— Как мотор?

— В порядке. В правом крыле пробоины.

— Вижу.

Казак спрыгивает на землю, осматривает самолет.

— Да-а, порядочно всадили.

— Двенадцать штук. Это чепуха, минутная работа. Вон у комэска — сорок семь дырок!

— Ого!

— Не бойсь, тезка, я их мухой залатаю.

— Спасибо тебе, тезка.

— Не за что. Тебе спасибо.

— А мне-то за что?

— За то, что работу даешь.

Смеются невесело.

На КП полка все летчики, кроме дежурной эскадрильи. Комполка держит речь:

— Так вот, сынки, на наш фронт пожаловала группа фашистских асов «Удет» с Центрального фронта.

Все сидят понурые — помирать никому неохота.

— Чего носы повесили? Ну асы! Подумаешь, асы! У нас что, оружия нет?! Мы разве не знаем, как их бить? Завтра пойдем и будем их лупить! А сейчас пошли на ужин.

Семь «яков» вылетают на прикрытие наземных войск. Идут звеньями по три самолета. Отец — ведущий. Подходят к линии фронта.

На земле идет бой: взрывы, вспышки оружейных выстрелов. На востоке горит Сталинград. Дымка от пожаров поднимается на километр-два, и сквозь нее видны блестящие полосы Волги и Дона.

Приблизившись к линии фронта, замечают группу из шести истребителей Me-109, а чуть ниже — группу «бомберов» Ю-87. Сзади, на одной высоте с «бомберами», еще двенадцать «мессов».

Наши набирают высоту.

Отец командует:

— Все вдруг!

Разворотом вправо, с небольшим снижением, с газком, «яки» выходят на прямую для атаки. Атакуют неожиданно и сразу сбивают четыре машины, из них два «юнкерса».

Тут все смешалось — пошла «собачья свалка»! Крутятся, как в чертовом колесе. Слева, справа, сверху идут трассы.

Мимо Казака пролетает крыло с крестом.

Немцы начинают уходить, и на догоне Казак сбивает «мессера».

Наши снова собираются в группу. Все — в полном порядке! Правда, у одного фонарь сбит, за другим тянется белый шлейф: радиатор пробит, но все живы.

Идут на аэродром. Проходят над ним с прижимчиком, строй распускается веером, садятся по одному.

Сели. Все бегут к ним, орут дурью:

— Победа! Победа!

Обнимают, целуют, качают. А как же — первая групповая. Без потерь.

Столовая, вечер. Освещение «капчужками» из сплюсненных снарядных гильз. Стоят три стола — позскадрильно. Отдельно стол командования, за ним сидят комполка, замполит, начштаба и инженер.

Не начинают — пока не все собрались. Но вот все в сборе — начинается ужин.

Старшина Микамба сперва подходит к столу третьей эскадрильи с графином, в котором плещется полтора литра (сегодня эскадрилья сделала пятнадцать вылетов). Ставит графин перед комэском-3.

Король начинает разливать. Мустафе (замкомэска-3), Вьюну, Юрко, Калашу полные сто грамм (значит, летали хорошо); Казаку, Пупку, Курту — больше (отлично). Перепугу — недолив (слабо). Все это молча — так положено.

В эскадрилье пополнение — трое «молодых». Стоят по стойке «смирно».

Король гоголем дефилирует перед строем.

— Ага, молодняк прибыл! Добро.

Один, печатая шаг, подходит к Королю. Под носом усишки — три волоса в четырех рядах.

— Разрешите представиться, товарищ капитан: младший лейтенант Цепилев!

— Это что за грязь под носом?

— Для солидности, товарищ ка...

— Какой солидности? Ты в бою солидность покажи.

— Товарищ командир, мы, между прочим, и прибыли воевать, а не отсиживаться за вашими спинами.

— Молчать, салага. Ты мне живой нужен, а не мертвый. Понял, Цыпа?

— Угу.

— Не «угу», а «так точно». В общем, так: усы сбрить. Немедленно.

— Я — военный летчик!

— Пенафт ты пока, а не летчик. Встать в строй!

— Есть! — Становится в строй.

— Младший лейтенант Данович, выйти из строя!

— Есть! — Выходит из строя.

Король — Казаку:

— Ну, вот тебе и ведомый.

— Зачем мне жиды дали?!

— Товарищ лейтенант!

— А-а! — Машет рукой и уходит.

Развод продолжается.

— Младший лейтенант Свирин!

— Я!

Король кивает своему замкомэска:

— А этот тебе, Мустафа.

Мустафа подходит к новобранцу.

— Ну что, повоюем, Рыжий?

— Так точно, товарищ страшный... виноват, товарищ старший лейтенант!

— Наш человек.

Король напутствует молодых:

— Помните, пацаны, в моей эскадрилье правило простое — или мы возвращаемся все, или погибаем все. Все на всех поровну — и жизнь, и смерть. Только так. Разойдись!

Расходятся.

Мустафа недоумевает:

— Король, а чего с ними делать-то?

— Желторотиков сразу в бой не пускать. Постепенно. Потому что мишень за хвостом возить мне не нужно. Понял?

Девятка Ю-87 под прикрытием двух пар «мессеров» уверенно следует в сторону Сталинграда.

Наша четверка, выстроившись растянутым левым пеленгом, идет в атаку. Создают сплошную завесу огня: один уходит в сторону, его очередь продолжает другой, потом третий, четвертый.

Вспыхивает первый «юнкерс». Рушится наземь второй. Третий «лапоть» пытается уклониться в сторону.

Казак на большой скорости настигает его снизу и метров с пятидесяти очередью перерезает надвое — хвост летит в одну сторону, остальное в другую.

— От винта-а!

Но тут его самого атакуют два «мессера» — пристраиваются в хвост и начинают расстреливать почти в упор.

Ведомый кидается под пули — только щепки от плоскостей летят — прикрывает ведущего.

Тот, получив несколько драгоценных секунд и набрав высоту, уходит от преследователей.

Казак окликает ведомого:

— Что с тобой? Жив ли?

— Все в порядке! Могу драться.

— Тогда за мной! Вперед!

Бой продолжается.

Столовая, вечер. Ужинают.

Казак встает, поднимает Зорьку.

— Разрешите представить: Данович Зорий Яковлевич, мой ведомый.

Влезает Рыжий.

— Да мы его знаем!

Смех.

— Повторяю для рыжих: мой ведомый. И если хоть одна...

— Да ладно тебе, Казак. Мы понимаем.

...А ночью Зорьке снилась мама. Она стояла босиком на жирной парящей земле. Стояла и улыбалась ласково. И влажные глаза ее лучились улыбкой, и улыбались ее всегда такие теплые руки, и все до единой морщинки изгладились с ее светлого лица. Теплело на ней просторное и просвечивающее белое платье. Платье чуть колыхалось под свежим дыханием земли, и от этого казалось что мама течет куда-то — медленно и плавно...

Подошла, присела, погладила по головке, поцеловала. Он всхлипнул и уткнулся носом ей в подол. А она все ласкала-приговаривала:

— Ничего, сынулька, ничего... Ты у меня уже большой... Ничего...

Яблоневый сад... Что-то просторное и светлое, как детский сон. Плывущее марево и пальцы яблонь, словно взметнувшиеся ввысь долгие и черные женские волосы, осыпанные снегом.

И вдруг встала.

— Мам, не уходи! — орет он и бросается к ней. Но она уплывает в кипящую снежную пену, и ему не догнать ее. Оттуда издали она улыбается ему и успокаивающе кивает, будто говорит: «Ничего, мой мальчик, ничего...»

А он все бежал и бежал за ней, но так и не догнал. Обессиленный свалился в теплый и пахучий яблоневый снег. Цветущее безмолвие накрыло его с головой...

К вылету готовится звено Король—Цыпа, Мустафа—Рыжий. Идет инструктаж.

Цыпа интересуется:

— Товарищ командир, а как вести себя в бою?

— Очень просто: если оторвешься — немцы собьют. А если побежишь, я расстреляю. Понял?

— Понял, командир.

— Главное — не выпендривайся. Ты пока навоз на лопате, но я из тебя летчика сделаю.

По соседству Мустафа инструктирует Рыжего. А тот, как всегда, нетерпелив.

— Товарищ старший лейтенант, это мой первый боевой вылет.

— И что?

— А как это обычно бывает?

— Что бывает?

— Ну, в первый раз...

— А-а... Тут такое дело: подойдешь к линии фронта. Увидишь «мессер», перво-наперво принюхайся — запахнет сосновыми досками.

— А почему сосновыми досками?

— Так ты что, не знаешь? Из них же гробы делают. — Смеется.

Пара Король—Цыпа в воздухе.

— Цыпа, ну как ты?

— Отлично, командир!

— Жить хочешь — вертись!

— Есть вертеться, коман...

И тут внизу в разрыве облаков появляется пара «фоккеров».

Король прерывает Цыпу:

— Видишь?

— Вижу.

— Прикрой, атакую!

Король круто пикирует и на выходе из облаков встречает «фоккера». Очередь — и «фока» вспыхивает.

Король осматривается — Цыпы нигде нет. Тогда он ныряет в просвет облаков и видит того, бьющегося со вторым «фокой».

Цыпе приходится туго. Его трассы тают, так и не достигнув врага. А немец гораздо точнее — его очередь решит самолет Цыпы.

Свалившись сверху, как снег на голову, Король отгоняет «фоккера».

Цыпа бросается в погоню. Король одергивает его:

— Куда, салага? Стоять!

И тот послушно выходит из боя.

Пара Мустафа—Рыжий идет по курсу.

Мустафа замечает впереди немецкий транспортник Ю-52. Командует:

— Прикрой, атакую!

Атакует: подходит и метров со ста пятидесяти открывает огонь.

Очередь идет точно — снаряды рвутся под кабиной пилотов и по центру фюзеляжа. Они словно подбрасывают вражеский самолет вверх, и после секундного зависания с задраным носом «юнкерс» сваливается на левое крыло и колом в землю. Мустафа не отстает.

— Он жив! Хитрит гад — следи за ним!
Начинает снижение спиралью вокруг немца.
На тысяче метров тот переходит на планирование.
Мустафа атакует повторно — выпускает длинную очередь.
«Юнкерс» вспыхивает, валит густой черный дым. Экипаж выбрасывается на парашютах.

Самолет врезается в землю с такой силой, что от взрыва нашу пару даже встряхивает.
Разбор полетов после вылета.
Мустафа насел на Рыжего.
— Стрелял?
— Стрелял.
— А ты на «фрице» заклепки видел?
— Не-ет. А что?
— Ну, тогда и стрелять не надо было. Чего зря пулять в воздух. А запах досочек сосновых унюхал?

— Никак нет!
— Правильно, малой, пусть они, гады, этот запах чувствуют.
— А что я, рыжий!
Рядом Цыпа докладывает Королю:
— Товарищ капитан, младший лейтенант Цепилев боевое задание выполнил. После воздушного боя привез четыре пробоины.
— А чего ты лыбишься? Ведь погибнуть же мог.
— Когда не умирать, а день все равно терять!
— Ну и дурак.

Пара Пупок—Калаш крутится с «мессерами».
Вот Калаш подбивает «месса». Тот идет на вынужденную — сажает самолет на ровное поле. Калаш идет за ним.

Пупок пытается образумить:
— Калашенок, куда?! Куда «ноги» выпустил?!
Тот приземляется рядом с немцем, выскакивает из самолета.
Навстречу ему идет немецкий летчик с поднятыми руками.
Калаш выхватывает «ТТ» и стреляет в него.
На своем аэродроме Король подсказывает к севшему Калашу.
— Ты что творишь, бульбаш? За что немца убил?
— Яны мою мамку забили, сэстру замучили, батьку повисили за партизанство!
Усих, усих забивать буду! Усих!

Король молчит — возразить нечего.
Перед вылетом комполка подходит к Королю.
— Гляди-ка, впервые за всю войну у нас самолетов больше, чем летчиков.
— Ага.
— Сынок, тебе бы пару деньков передохнуть не мешало.
— Что ты, батя! Кто ж за меня воевать будет? Вот до Берлина дойдем, тогда и в отпуск.

— Ну что ж, из Берлина, так из Берлина. Давай по машинам. Вон «илы» уже идут.
Над аэродромом пролетают наши штурмовики.
«Яки» вылетают четверкой на сопровождение штурмовиков: Король—Цыпа, Пупок—Калаш.
«Илы» атакуют прямо с Волги.
Король предупреждает:

— Цыпа, не потеряй меня, крути головой. Понял?

— Понял, командир!

Тут по нашим начинают работать зенитки. Плотнейший огонь «эрликонов», на-
стоящая «мясорубка».

Калаш-белорус вдруг пикирует на зенитки.

Пупок орет:

— Калаш, «трапка», куда ты?! Братка!

Тот словно не слышит.

«Эрликоны» как дадут по нему — он, не выходя из пике, падает и взрывается.

«Илы», едва завершив первую атаку, заходят на повторную.

И тут появляются «мессера». Одна группа, вторая.

Штурмовик, по радио:

— «Шапки-шапки», нас атакуют! Прикройте, «шапки»!

А сами — на третий заход.

Король отвечает:

— Уходи, я больше не могу тебя спасти!

— Сейчас, маленький, еще один заходик!

Король следит за молодым, чтобы его не потерять; за «илами», чтоб прикрыть;
а здесь эти наваливаются.

Не уберется: саданул ему «мессер» с ракурса в одну четверть в центроплан. Уходит
в пике.

— Маленький, горишь!

Король жарится в кабине и все оглядывается: не сбили ли Цыпу. Нет, слава бо-
гу, цел.

Подбитый Цыпа кое-как дотягивает до аэродрома. Его самолет падает на летном
поле и взрывается.

Все бегут к месту взрыва. Первым подбегает Казак.

Машина вдребезги. Цыпа сидит в кресле (ни царапины!), моргает глазами.

— Товарищ лейтенант, это вы? А что случилось?

Пара Казак—Зорька сопровождает корректировщика Ил-2. Тот ходит над Волгой,
корректирует огонь нашей артиллерии.

Внезапно появляется «мессер», проходит над самой водой и атакует наш «ил» снизу.

Казак со снижением на него. Зорька — за ведущим.

Казак заходит на «месса» сзади — и вдруг резко отваливает в сторону.

— Зорька, атакуй!

Зорька добавляет газку, проскакивает вперед и всаживает в немца длинную
очередь из пушки и пулеметов. Полбоекомплекта зараз!

«Шмитт» не загорается, а вначале задирает нос, потом сваливается на крыло и, кру-
тясь спиралью, врезается в землю.

— Зорька, с первым сбитым тебя! Так держать!

— Вот это да!

— Устал?

— Да нет. Только, как мышь, мокрый.

— Домой!

Курилка в полку — большая железная бочка с водой, вкопанная в землю по горло-
вину (считай, кают-компания).

Перед полетами летчики стоят кружком — курящие и некурящие, обсуждают но-
вости. И лишь Зорька разглагольствует о музыке.

Он знает в ней толк: сам песни сочиняет и поет — заслушаешься. И зачем только
он пошел в РККА, ему бы в артисты.

Ага, увлекся — завалился в бочку, как мерин старый, и плавает там.

Все валяются. Рука друга вытаскивает его.

После боя Казак садится на одно колесо (не вышла правая нога шасси). Самолет, коснувшись земли, устойчиво бежит вперед. В конце пробега начинает плавно крениться и, чиркнув крылом по земле, мягко разворачивается и встает на левой ноге.

Казак не торопится вылезать из кабины. К нему бегут люди. Первым на крыло вскакивает Тезка.

— Ну как, цел?

— Цел. Только вот машина...

И верно, «ястребок» весь иссечен пулями и осколками.

— Ничего, подлатаем, не впервой. Командир, может, умыться с дороги? Я горячей воды из маслозаправщика сей минут принесу.

— Не надо. Сейчас ни умываться, ни бриться не буду. Вечером.

— Ясен план.

Техники, окружив самолет, осматривают пробойны, цокают языком.

Утром Казак подходит к своему самолету. Рядом стоит тренога, прикрытая брезентом.

Подходит механик, руки распухшие, все в крови.

— Товарищ командир, самолет готов. Сейчас капоты закроем, и можно лететь.

— Что с руками, тезка?

— Да ничего. Мороз, надо гайку навернуть, на палец поплевал, она прилипла, на-вернул и оторвал. Подумаешь, кровь — заживет.

— А если серьезно?

— Да правда ничего, Коля, просто всю ночь на морозе нашу «птичку» от пробойн латали, а руки к металлу примерзают, вот и...

— Береги себя, тезка, вы ж у меня одни — ты да Зорька.

— И ты у меня...

Зеленая ракета — на взлет.

Наши «ястребки» сопровождают штурмовиков. Подлетают к вражеским позициям. И сразу черные рваные хлопья разрывов зенитных снарядов повисают между самолетами.

Штурмовики разом уходят в пикирование. «Яки», не теряя высоты, следуют за ними.

Пикируют наши «илы». Их бомбы и снаряды накрывают укрепления и склады врага. Бушующий вал дыма и огня возносится в небо. От взрывной волны самолеты вздрагивают.

Штурмовики, встав в круг и еще больше снизившись, поливают фашистов огнем из пушек и пулеметов.

В воздухе пока никакой вражеской авиации.

Наши «ястребки» тоже идут на штурмовку, разряжая оружие по наземному противнику.

Штурмовик оповещает:

— Маленькие! Маленькие! Появились «мессера»! Будьте внимательны!

«Илы», образовав круг, спокойно делают свое дело.

«Яки» над ними тоже встают в круг, защищая от «мессеров». Их круг походит на быстро вращающуюся дисковую пилу: куда ни сунься — не возьмешь. Самолеты, меняя положение, вытягиваются в нужную сторону, струями разбрызгивая пушечно-пулеметный огонь.

«Мессера» на больших скоростях носятся совсем близко и всякий раз отскакивают ни с чем.

Только штурмовики заканчивают работу и ложатся на обратный курс, как Казак резким движением разрывает круг. Боевой порядок наших «ястребков» на мгновение принимает форму вопросительного знака, направленного хвостом к штурмовикам.

А «мессы» только и ждут этого! Сразу набрасываются на замыкающего Пупка, который приотстал метров на сто.

Тот делает резкий рывок навстречу нападающим, уклоняясь от огня противника, но увы — самолет загорается.

Зорька, заметив, тут же рапортует:

— Командир! Пупок горит!

— Вижу.

Объятый пламенем самолет резко взмывает кверху и переворачивается на спину. Вот от него отделяется небольшой клубочек, раскрывая парашют.

А на земле немцы уже поджидают.

Наши кружат рядом с парашютистом — не знают, что предпринять.

Казак приближается к Пупку вплотную и делает вокруг него вираж.

Внезапно Пупок дергается за самолетом и чуть приподнимается.

Казак делает вокруг купола еще один вираж с набором высоты, потом второй.

Парашютист, не снижаясь, тянется за машиной, моментами даже подскакивая вверх.

На помощь приходят остальные — виражат один за другим.

Немцы открывают огонь, но поздно.

Так все вместе, хором и перетягивают Пупка через линию фронта.

На нашем аэродроме приземляется тройка «яков».

Внизу комполка и Мустафа. Наблюдают. Отец недоумевает:

— Почему тройка? Одного не хватает. Кого?

— Похоже, Пупка.

Подходит Пупок.

Отец ничего понять не может.

— Ты что, пешком притопал?

— Так точно!

— А где самолет?

— Геройски погиб в бою.

— Ты пьяный, что ли?

— Никак нет!

— Ладно, сейчас разберемся. Казака ко мне! А ты иди отсюда, не отвечивай тут.

Приведи себя в порядок.

— Есть! — Послушно топает прочь.

...На вокзале Зорьку провожал один папа. Стояли-молчали. Узкая ладошка сына покоилась в широкой ладони отца. Тот вдруг заторопился.

— Ну ладно, сынок, до свидания. Смотри там, на фронте-то... осторожней. Береги себя. И если время будет — черкни. Много не надо: жив, здоров. А мне, старику, приятно будет. Ну ладно...

Он еще раз тряхнул Зорькину руку, потом выпустил ее и как-то слишком быстро отвернулся. И быстро засеменял к выходу.

Зорька долго смотрел ему вслед. Шел он чуть сгорбившись и наклонившись вперед. Развязавшийся шнурок правого ботинка тащился по земле. Вдруг обернулся и помахал рукой. Ветер растрепал его седые волосы. Поспешно отвернулся и уже почти бегом припустил прочь...

Пара Казак—Зорька идет по курсу. Навстречу штук восемь «мессов».

— Что будем делать, Зорька?

— Драться.

— Верно! Прикрывай, иду в атаку!

Казак заходит в хвост четверке. Замыкающий немец, не выдержав, ныряет вниз. Остальные трое взмывают ввысь. Наша пара — за ними.

«Мессы» энергичным переворотом уходят вниз. Наши — следом. Те и другие выполняют целый каскад фигур высшего пилотажа.

А вокруг все пространство исполосовано шнурами трассирующих очередей.

Немцы переходят в пикирование.

Казак ложится на спину, удерживая самолет в перевернутом горизонтальном полете. Наблюдает. Передерживает самолет вверх колесами — его несет вниз.

Пара «мессов» тут же устремляются за ним. Зорька отбивает их.

У Казака мотор никак не запускается.

Немцы за ним уже целой вереницей — в очередь.

Зорька сражается с ними, как лев, — прикрывает.

Земля совсем близко. И тут мотор оживает. Казак воспрял:

— Ну, гады, теперь держись!

Прижимается к земле и резко переводит «ястребок» на горку. Машина рвется навстречу врагу.

Зорька моментально пристраивается к нему.

Ведя огонь со всех точек, они проскакивают между «мессами».

Те шарахаются в стороны, затем снова смыкаются. Идут в боевой разворот.

Наши проделывают то же самое. И где-то на высшей точке разворотов снова выходят с врагом на встречные курсы.

Казак спокоен:

— Иду в лобовую!

Словно снаряды, самолеты несутся навстречу.

В последний момент ведущий «мессер» отворачивает от Казака в сторону Зорьки. Тот жмет на гашетки.

Снаряды и пули прошивают плоскости, центроплан. Фриц, пронизанный в упор, заваливаясь, идет к земле.

Немцы спешно выходят из боя. Казак с Зорькой преследуют их.

На подходе к линии фронта зенитный снаряд попадает Казаку в кабину, пролетает между ног, разбивает ручку управления и вылетает через открытый фонарь. Машина горит.

Казак отстегивает поясной ремень, ногой толкает обрезок ручки от себя — самолет клюет носом, и его выкидывает из кабины.

Не может раскрыть парашют — рука в перчатке не попадает в кольцо. Зубами стягивает перчатку, дергает за кольцо — парашют раскрывается, когда до земли остаются считанные метры. Еще б секунда — и хана.

Приземляется в снег. От динамического удара слетает один унт. Кое-как поднимается на ноги.

«Нейтралка». Мороз, ветер. Кругом разрывы, свист пуль.

Слышит — кричат:

— Ложись! Ползи сюда!

Крутит головой — не сообразит, куда ползти.

Тогда из траншеи показывается портянка на штыке. Машут ему.

Ползет туда, к своим. Его затаскивают в траншею.

Летом 43-го полк стоит под Курском. Полетов немного, пока в основном на разведку.

А когда боевая работа окончена, все галопом несутся к реке. Гурьбой скатываются с обрыва. Казак разбегается по мосткам и, не раздеваясь, сигает в воду. Зорька — за ним. Следом — Пупок.

Выныривают, отфыркиваются и тут вспоминают, что часы-то снять забыли. А они, бедные, хоть и летные, но захлебнулись сразу и больше не тикают. Подплывают к мосткам, кладут свои будильники на солнышко — и бултых — назад в воду.

Шум! Гам! Вода кипит.

Кто-то утопил сапог, и все ныряют-ищут. Вместо сапога вытаскивают проржавевший насквозь детский горшочек (и откуда он здесь взялся). Дикий хохот. На радостях кому-то мерят сосуд на голову. Наконец вылавливают злополучный сапог, опять роняют.

Тут с обрыва слетает Мустафа. Моментально скидывает форму, разбегается и нагишом рушится прямо на головы купальщиков. Кто-то лезет на нырялку (нырялка — толстая половая доска, прибитая к свае). Первых троих смельчаков доска стойко выдерживает, под четвертым с треском ломается. И снова ржачка. Смеются все, кроме виновника торжества. Тот плашмя плюхнулся в воду, да вдобавок обломок доски предельно огрел его по чану.

Вдоволь наплескавшись, вылезают на берег, встряхиваются по-собачьи, скачут на одной ножке — выливают воду из ушей. Одного толкнули в грязь, и он снова лезет в воду под дружное ржание сотоварищей.

А как необыкновенно вкусен харч после трудового дня! Этого нельзя себе представить — только попробовать. Доля секунды — и ложка уже скребет дно миски.

Часам к одиннадцати все утихает. Кто ушел к девчонке, тот до утра. Остальные спят.

И среди многоголосого храпа лежит Зорька, до ушей накрывшись одеялом, читает Станиславского. И на него из глубины лет смотрят из-под усталого пенсне юные и добрые глаза.

Ночь уже на исходе. А он все читает.

На Курской дуге наши сидят в самолетах, дежурят.

С КП дают ракету.

Прыжок — и Казак в кабине. Пока опускается на сиденье, руки привычно накидывают на плечи парашютные лямки.

— От винта!

И Тезка, эхом:

— Есть от винта!

Мотор запускается с пол-оборота. Полный газ — и «як» с места идет на взлет.

Первый вылет. Звено «яков» сопровождает шестерку штурмовиков.

Над развалинами железнодорожной станции Прохоровка гарь и копоть. Внизу идет сражение. Огонь, сплошной огонь. Лавины танков и машин. Где наши, где немцы — не разберешь. Все вперемешку.

Казак не увидел — учуял:

— «Мессера» над нами!

Четверка «мессов» стремительно вываливается из-за облака и кидается на наших. И тут уж не до земли.

Казак, удачно сманеврировав, подходит к одному справа, дает очередь — у того загорается движок. Добивает. Кидается за вторым.

Возвращаясь с победой, Казак исполняет над родным аэродромом свой коронный «крючочек»: разгоняет машину, подходит на бреющем, делает полупетлю, в верхней точке иммельманом переворачивает истребитель на спину. При этом дает салют со всех огневых точек, сразу выпускает шасси и идет на посадку.

Приземляется. Механик вскакивает на крыло.

— Как машина?

— Нормально.

— Как мотор?

— Как часы.

— Оружие?

— Безотказно.

— Ну слава богу.

Второй вылет. Пара Курт—Вьюн бьется с парой «мессов» — «два на два».

Один из 109-х пытается зайти Курту в хвост. Вьюн начеку:

— Курт, Курт, смотри, заходит «месс»!

Тот, безразлично:

— Вижу, пусть заходит.

И тишина.

Курт после паузы, бесстрастно:

— Вон «месс» горит. Зашел, понимаешь.

Курт он вообще такой — спокойный, как трактор. И на фрица очень похож.

Третий вылет. Рыжий гонится за самолетом-разведчиком Ю-88.

Мустафа предостерегает:

— Рыжий, гляди!

— Гляжу! Атакую!

— Не лезь поперед батьки в пекло.

— Да что я, рыжий, хуже других?!

«Юнкерс» уходит в пике, а на выходе выпускает воздушные тормоза.

Рыжий проскакивает мимо и врывается в землю. Финиш.

Четвертый вылет. Идут немецкие бомберы, а их группа прикрытия на солнце.

Наши в атаку, и Вьюн выскакивает вперед.

Король цыкнул на него:

— Вьюн, встань на место, не то самолично собью тебя!

Какое там!

Его сверху истребители сопровождения сразу сожрали. Взрывается прямо в воздухе.

После вылета Король подходит к Цыпе.

— Мой самолет неисправен — полечу на твоём.

— Командир, я сам хочу звезды рисовать.

— Успеешь еще нарисовать. Войны на всех хватит.

Подходит комполка, отводит Короля в сторонку.

— Смотри, с истребителями больше не вяжитесь. Будут бомберы — иди на все, но чтоб ни одной бомбы они не сбросили. Ясно, сынок?

— Так точно. — Идет к самолету.

Летное поле усыпано бумажными листочками.

Король подбирает листок.

— Это чего?

Отец усмехается.

— Да пока вы летали, фашист проскочил, листовки сбросил. Не успели убраться.

Король протягивает листовку Цыпе.

— Читай. Вслух.

Цыпа читает:

Летчики у вас отважные,

Да самолеты бумажные.

Просим попусту не летать
И пыль с наших «птичек»
не сбивать.

Король сплевывает сквозь зубы.

— Вот гады. Ладно, ща поглядим, кто чего стоит. По машинам!

Пятый вылет. Звено «яков» идет над полем сражения. Дым застилает глаза.

В дыму чуть не сталкиваются с «юнкерсами». Их много — штук двадцать. Вдали маячит еще такая же стая бомберов.

А вот и истребители прикрытия. Их тоже немало.

Король подает команду:

— Юрко, бей левого заднего! Пупок, Перепуг, прикройте нас!

Делает крутой разворот — ныряет под группу «юнкерсов». И оказывается под плотным строем бомберов, словно под крышей.

Темно, кругом кресты. Неубирающиеся ноги фашистских бомбардировщиков, прикрытые колпаками-«лаптями», совсем близко над головой.

Скорость у «яка» и «юнкерсов» одинаковая — и кажется, что все застыли на месте.

Король чуть поднимает нос «ястребка» и упирается прямо в серое гофрированное брюхо «юнкерса».

Очередь хлещет по флагману — тот шарахается влево и бьет крылом соседа.

Тут на Короля что-то сыплется. Бомбы!

Он без промедления кидает «як» вниз в сторону. Осматривается.

В дыму висят два немца на красных парашютах.

Рядом барражирует Пупок — в хвосте у него уже сидит «месс». У Короля — тоже.

Резкий доворот — и Король отгоняет немца от ведомого. Тем же манером Пупок отгоняет «месса» от ведущего.

А Юрко с Перепугом знай себе поливают огнем «юнкерсов».

Строй «лапотников» теряет компактность и сбрасывает бомбы куда попало.

Три пары «мессеров» набрасываются на «яков». А вторая группа «юнкерсов» уже разворачивается на бомбометание. В воздухе становится тесно.

Король, методично:

— Все — на бомберы! Все — на бомберы! — Кладет самолет на крыло.

Под ним вторая группа «лаптей».

Атакует сверху. По нему бьют воздушные стрелки.

Палит по ведущему «юнкерсу». Одна очередь, вторая.

От того летят ошметки, из правого крыла вырываются черные клубы дыма.

Увлечшись, чуть не врывается в него. В последний момент рывком выводит «як» из пикирования.

А бой продолжается.

Король, возвращаясь с победой, демонстрирует свой «крючочек»: над летным полем он взмывает кверху, ввинчиваясь в небо. Делает одну бочку, вторую, третью, четвертую...

Вдруг звук его самолета резко обрывается. Машина на миг замирает на месте, потом красиво переваливается через крыло и устремляется вниз. У самой земли она выравнивается и, как бы играючи, сделав петлю, иммельман, переворот, идет на посадку.

Вылезает из кабины, снимает шлемофон. Приглаживает волосы — на ладони остается целая прядь.

Мустафа тут как тут.

— Теперь ясно, почему у летчиков рано перестают виться чубчики.

- Иди ты, клоун.
- Спешу и падаю. — Отваливает.
- Подходит комполка.
- Что за шум, а драки нет?
- Да все путем, Отец.
- Сбил кого-нибудь?
- Двух «юнкерсов».
- Молодец, сынок! Обедать будешь?
- Никак нет.
- Что, боем сыт? Понимаю. Ну давай войой дальше.

Шестой вылет. Казак—Зорька крутятся с двумя истребителями «Фокке-вульф-190» — «пара на пару».

Немец-ведущий получает от Казака несколько снарядов в крылья и фюзеляж — его самолет взрывается, оставив после себя только облако дыма и кусок оперения с хвостовым колесом.

- Зорька, за тобой «фока»!

Тот сразу сваливается на крыло — выходит из-под атаки. Заходит «фоккеру» в хвост, стреляет — снаряд попадает в кабину.

- «Фоккер» уходит «горкой» в набор высоты.

Зорька идет за ним вверх, но, нагнав, видит, что у немца в клочья разорван борт, снесло фонарь, а от пилота в кресле просто ничего не осталось.

- «Фока» делает пару мертвых петель, входит в штопор и шмякается оземь.

После шестого вылета, пока техники заправляют самолет, а девчонки-оружейницы набивают патроны и снаряды в ленты, Казак дремлет в кабине.

Подходит Валечка-официантка.

- Товарищ лейтенант, может, покушаете? Все горячее.
- Казак, не открывая глаз, только мотает головой.
- Ну хоть компотик выпейте.
- Не хочу, Валечка, не лезет.

Мимо проходит комполка. Валечка бросается к нему.

- Товарищ командир, прикажите ему поесть. Он же с голоду умрет!

Зеленая ракета. Казак открывает глаза, запускает мотор.

Седьмой вылет. Пара Король—Цыпа видят немецкий штабной самолет.

- Цыпа, ну-ка шарахни ему!
- Командир, это же штабной, не боевой...
- Слабак!

И как вдарит сам — тот в куски.

- Только так. Понял?
- Понял, командир.

Восьмой вылет. Четверка «яков» сошлась на лобовой с четверкой «фоккеров».

Во время разворота Зорька оказывается впереди Казака.

- Зорька, давай, ты впереди, я тебя прикрою! Бей!

И Зорька ведущему «фоккеру» в лобэшник из пушки — н-на! Тот в штопор.

Оставшаяся тройка сразу врассыпную — только их и видели.

Все дело заняло буквально несколько секунд.

После восьмого вылета Казак сидит в кабине. Подходит комэска.

- Все, Король, больше не полечу. Сил нет. Земли не вижу.
- Ясное дело — выдохся. Ладно, отдохай, братишка.

Казак не может сам вылезти из кабины — его вытаскивают. Рушится под крыло самолета и мгновенно засыпает.

По осени весь полк обуяла футбольная горячка. После полетов, едва успев умыться и переодеться, бежали на луг и там допоздна гоняли потрепанный в жарких схватках мячик. Рубились на славу, играли зло, носились как угорелые, а ковались так, что оторопь брала. Едва мяч чуть застревал у самодельных ворот, тут же возникала свалка. В месиве тел мелькали то чья-то мокрая спина, то зверское лицо с оскаленными зубами, то худой зад.

Нынче «матч века»: третья эскадрилья играет с первой. Пока 0 : 0.

Мяч в игре. Пупок отдает налево Королю, тот пасует направо Цыпе. Цыпа проходит по правому краю, навешивает на центр Казаку. Казак, центрфорвард, обходит одного, второго, третьего, врывается в штрафную — и тут его сбивают.

Народ орет:

— Пенде-ель!

Судья-замполит делает одиннадцать шагов и устанавливает мяч. Король разбегается для удара.

А поджованный Казак кое-как чикиляет к кромке поля.

Радостный вопль трибун «Банка!» взлетает в небо.

Расходились, еле волоча ноги, горячо обсуждая перипетии матча:

— Ну и лопух же ты, Пупок! Тебе ж забивать надо было, а ты мимо мяча рубанул...

— Само такое! У меня нога в сусличью нору попала. «Рубану-ул»...

— А ведь третьего гола не было, факт. Пузырь-то выше ворот пролетел...

— Чео-о? Да прям в девятину влетел, впритирочку.

— Какая «девятинка»! Я что — слепой?

— А не надо было вчера верхнюю штангу отламывать. Сами виноваты... — и так дальше.

Сегодня лица третьей сияют — соперники грустят. Счет 25 : 21 в нашу пользу.

На высоте шестьсот метров следует колонна наших штурмовиков. Над ними на высоте восемьсот идут истребители прикрытия.

С рассветом подлетают к немецкому аэродрому. На летном поле черно от самолетов.

С первого захода штурмовики лупят бомбами и эрэсами. На втором заходе чешут из пушек и пулеметов.

Вражеские машины горят. Взлетает на воздух склад ГСМ.

Ну и все — пора домой. Не тут-то было — за ними увязываются четыре четверки «мессеров».

Казак реагирует с ходу:

— Атанда, за нами — «зеленые опы»!

Наши «ястребки» разворачиваются, а их уже атакуют. Пошла «карусель»!

Короче, четверка «крестов» атакует штурмовиков, еще одна — пару «яков», а одна — Казака.

Казак стреляет по «мессу», хотя его атакует другой, разворачивается на сто семьдесят градусов и заходит в хвост атакующему. Валит обоих.

Виражит с двумя оставшимися 109-ми. Смотрит, а указатели остатка бензина по нулям.

Его атакуют сзади. Он уходит на боевой разворот — и тут мотор встает. Идет на посадку.

Сзади заходит фашист.

Казак уходит скольжением, и вот уже на выравнивании по нему очередь. Проходит справа, и сразу еще одна — опять мимо.

Садится «на пузо».

Сверху заходят «мессера», чтоб добить. Он — под мотор.

Заходит один, стреляет, уходит. Заходит второй — то же самое.
Как наш Казак ни ловчит, все же один бронебойный, пробив мотор, попадает в ногу и там застревает. Падает, теряя сознание.

Эвакогоспиталь, ночь. Штабелями лежат раненые.

По палатке идет хирург, халат весь в крови, рукава засучены.

— Летуна давай!

Казак на столе. Из бедра торчит осколок снаряда.

— Как звать?

— Казак.

— Ну терпи, казак, — атаманом будешь.

Да как дернет за осколок. У того аж искры из глаз.

Шестерка «яков» идет на штурмовку. Подлетают к немецкому аэродрому, а он пустой (в смысле — ложный).

Возвращаются, навстречу восьмерка «мессеров». Пошла драка!

Перепуга-ведомого подбивают как раз над их аэродромом. Он садится на вынужденную прямо на летном поле.

Юрко-ведущий покачал ребятам крыльями и выпускает шасси. Садится и рулит к Перепугу.

Тот сбрасывает куртку, правую ногу закидывает на плоскость и залезает в кабину — вниз головой, левая нога за бортом.

Юрко разворачивает машину на взлет, дает газ и делает разбег.

А там уже грузовик с автоматчиками подруливает.

Взлетает. С земли его обстреливают.

Ребята сразу окружают самолет — на случай, если подойдет немец.

Заходят на обратный курс, а у Юрко «ноги» не убраны — Перепуг мешает.

— Слухай, Перепухг, хлопче, ты как-нить бошку уберы — мэшаит.

А тот только знай себе ржет-заливается.

Наконец-то достигли своего аэродрома. Кое-как садятся — Перепуг кверху задом.

И ребята сели. Все нормально.

За ужином Перепуг заливается соловьем.

— Я «месса» так зажал, что он с перепугу рехнулся. Метался, как заяц. Потом виражить начал. Я его тут и прищучил да как зафигачил из пушки...

Мустафа подъелдыкивает:

— А сбил-то его Юрко. ВВС — страна чудес!

Перепуг скисает. Недовольно роется в своей тарелке. Накинулся на официантку:

— Где вы такого столетнего кабана откопали? Как подошва — нож не берет.

И несоленый.

Валечка дает отпор.

— Вам, я смотрю, соль не соль, мясо не мясо. Все едят, а вы куражитесь, как мальчишка.

— Что-о?! Ты с кем разговариваешь, подавалка?

Казак, негромко:

— Заткнись, Перепуг.

Тот сразу полинял. Мустафа улыбается во весь рот.

— Иди, Валечка, иди. Все очень вкусно.

Казак выходит из столовой. Его догоняет Валечка.

— Спасибо, товарищ лейтенант.

— Да ладно, чего там. Пошли погуляем.

Это ошеломило ее — стоит и сказать ничего не может.

Казак с Валечкой идут по лесу. Кругом стройный сосновый бор, освещенный закатным солнцем. И сосны словно танцуют — кружатся в вальсе.

— Не мастак я говорить, Валя.

— Тогда помолчим, командир.

— Помолчим.

Гуляют молча — и им не скучно.

Казак и Валя стоят на дороге перед общагой — прощаются.

— Мы завтра улетаем, Валя.

— Куда?!

— Сперва на переформировку, потом к новому месту службы. Мы ж птицы перелетные.

— Я вас найду, товарищ лейтенант, обязательно найду.

— Не надо, Валя, живи спокойно.

Крепкое рукопожатие, и он уходит по дороге. Она долго смотрит ему вслед.

Казак после очередного госпиталя первым делом приходит на аэродром. У самолета его встречает другой механик.

— А Тезка где?

— Да его, понимаешь, «як» на взлете зарубил.

— Как зарубил?

— А винтом. Он было сунулся кого-то спасать, что ли — и под винт. Вот такие пироги...

...Запуск моторов. Две эскадрильи начинают выруливать на старт и взлетать. Аэродром грунтовый, и буруны пыли вьются позади самолетов.

Комполка провожает. К нему подбегает техник.

— Товарищ командир, с Дробышем что-то неладно.

— Чего неладно? Говори толком.

— Да смотрите сами — вон он бежит. — Показывает рукой в сторону низинки, где отрываются самолеты.

И правда, Тезка со всех ног бежит туда — наперерез взлетающим машинам.

Отец недоумевает:

— Уж не рехнулся ли, часом? Порубят же, как есть порубят!

Вот один самолет уже совсем рядом с Тезкой. Все, наперебой:

— Стой! Стой! Падай! Падай!

Тезка, словно услышав, падает. Самолет проходит над ним.

И тут все видят, что по полосе идет крохотная девчушка в желтом платочке.

На нее несется очередной «як». Тезка вскакивает и, едва успев, под самым носом «яка» накрывает собой тщедушное тельце.

Самолеты один за другим с ревом проносятся над ними. Все зажмуриваются.

«Ястребки» уносятся ввысь. Все наперегонки несутся туда. Спешит и санитарная машина. Добежав, останавливаются как вкопанные.

У их ног лежит Тезка. Около него сидит девчушка лет семи в желтом платочке. Вокруг них крутится кудлатая собачонка.

— Дяденьки легчики, дяденьки летчики, возьмите собачку... Кормить ее нечем, я одна осталась... Возьмите собачку...

В столовой легчики садятся ужинать, и Курт на правах хозяина вносит давешнего щенка.

Пес привлекает к себе всеобщее внимание. Пупок пытается было его погладить — тот тоненько рычит. Отдергивает руку.

— Во варвар! Огрызается.

Король резюмирует:

— Ага, значит, быть ему Варваром. Так и назовем.

Цыпа дает новоиспеченному Варвару кусок мяса.

— Как, братцы, по какой норме Варвара поставим на довольствие?

Король приказывает:

— По второй пока. Вот слетает разок в бой и если покажет себя, переведем на летный паек. А тебе, Курт, доверяем дать ему первый боевой.

— Есть, командир.

Четверка «яков» следует на перехват бомбардировщиков. Южнее комариками кружатся самолеты. Там идет воздушный бой. Вдали противник бомбит наши войска.

Земля, по радио:

— Истребители, где вы там?! Чего путаетесь? Нас бомбят!

Король откликается:

— Идем, идем!

«Яки» спешат к бомбовозам. Но им мешают «мессера». Они дерзко атакуют. Наши вступают в бой.

Опять земля:

— Маленькие, миленькие! Зачем устроили свалку? Идите скорей к нам!

Король уже ничего не отвечает — не до того.

Первая группа бомберов, сбросив бомбы, с бреющего полета начинает обстрел войск из пулеметов.

— Мустафа, свяжи боем «фоккеров»!

— Понял, Борисыч.

Мустафа с Куртом сковывают боем истребителей, а пара Король—Цыпа прорывается к бомберам.

Король с высоты ведет пару на переднюю девятку, направляя свой самолет на флагмана.

Белый шквал немецких трасс обрушивается на «яки». Пули и снаряды так и хлещут по обшивке. Не выдержав плотности огня, наши отваливают в сторону.

А колонна бомберов спокойно продолжает свое дело.

— Командир, командир!

— Мустафа, ты?

— Я, Борисыч, я.

— Чего тебе?

— Командир, я подбит. Ухожу на вынужденную.

— Добро. Курт, Цыпа! Атакуем в лоб плотным строем, огонь по моей команде.

Летят на врага. Сближаются.

— Огонь!

Пучок сплошных красных, оранжевых и зеленых трасс лупит по бомберам.

Из первой девятки один самолет грузно идет вниз. Второй, чадя, отстает от строя и, сбросив бомбы, начинает разворачиваться.

Но уже через пару секунд на место вышедших из строя встают другие. Полет продолжается.

Король идет ва-банк:

— Все в лоб!

Ведомые подстраиваются к нему. Их крылья почти смыкаются. И так тройкой — крыло в крыло — несутся в атаку.

— Огонь!

Жмут на гашетки. Светящиеся трассы летят навстречу врагу — и тут же обрываются. Боезапасы кончились.

Стремительно сближаются.

— Не трусь, братишки! Два раза не умирать!

Но вместо удара какая-то мельтешня. Это многотонные громадины разлетаются по сторонам и, разворачиваясь назад, второпях сбрасывают бомбы в белый свет, как в копеечку.

Цыпа сипит:

— Командир, у меня баки сухие.

— У меня тоже. — Это Курт.

— Ладно, идите домой.

Цыпа возражает:

— Командир, не могу уйти, остаюсь.

— Вали, я кому сказал!

Цыпа и Курт отваливают.

Король, устало:

— Земля, остался один, продержусь не больше пяти минут.

Отец, с земли:

— Держись, сынок, очень и очень нужно.

Короля берут в клещи два «мессера». Пробоует дернуться вправо, влево — те огненными трассами преграждают путь.

Круто переломив траекторию полета, взмывает ввысь, где как раз выстраиваются бомберы для бомбометания.

Врезается в них. Строй распадается. Но «мессы», как привязанные, идут за ним следом.

Деваться некуда — только вниз, как в бездну. А там поджидают еще двое «худых».

Вдруг голос Казака:

— Король, ты где?

— Я здесь, отбиваюсь от «мессов».

— Вижу. Иду на помощь.

Король снова резко взмывает ввысь. И тут тишина — глохнет мотор.

— Король, чего с тобой?

— Баки высохли, иду на вынужденную.

— Ничего, до дому дотянем, я прикрою.

Казак отгоняет насевших на Короля «мессов».

Король, стремясь дотянуть до своей территории, снижается пологим планированием. И так до самого аэродрома он идет под надежной охраной Казака.

Приземляется подбитый самолет Мустафы. Все бросаются к нему.

Кабина залита кровью. У Мустафы вырвана ключица и пробито левое легкое. Готов.

Но когда его руки с трудом отрывают от рычагов управления, то «труп» шевелится и стонет:

— Тише... не то отвалится...

Двойка «яков» возвращается с задания.

На летном поле выложен белый знак — буква «Т» — можно садиться.

Первый «як» неслышно касается земли и, чуть покачиваясь, бежит по аэродрому. Это Король. За ним садится Казак.

Неожиданно в небе появляется «фоккер». Он идет на бреющем, огнем поливая летное поле. Вспыхивает самолет Короля.

«Фока» поворачивает свою желтую морду к следующему «яку». Две длинных очереди — и «як» тут же обволакивается черным дымом. Взрыв!

Запоздало твякают зенитки. А «фоккера» уже и след простыл.

Король выскакивает из горящего самолета. Он взбешен.

— Кто? — Кивает на место взрыва «яка».

— Курт.

— Ну, чего встали? Тушите пожар!

Все бросаются тушить. Варвар крутится у горящего самолета — бросается в пламя. Его оттаскивают.

К Королю подбегает Зинка-медсестра.

— Товарищ капитан! Вы весь в крови!

И точно, левая рука сильно кровотоцит, да еще мелкий осколок впился в щеку.

Зинка пытается перевязать рану, но Король грубо отталкивает ее.

— Люди гибнут, машину надо спасать, а ты тут с этой ерундой! Иди отсюда! Дура!

— Никуда не пойду! Я... я обязана оказать вам первую помощь, а вы... вы... —

Плачет.

Король, приходя в себя:

— Зинка, сестренка, ну извини, слушай. Видишь, что творится...

Идет дождь. Холодный и промозглый, он барабанит по крыше палатки размеренно и нудно.

Палатка двадцатиместная, огромная, как юрта, и страшно неудобная. В жару туда невозможно войти — не продохнешь, в дождь она протекает.

Дождит уже третьи сутки, и полк не летает. Хотя перевалило за полдень, но большинство ребят еще не вставало. Кто спит, кто просто валяется на койке, боясь скинуть одеяло и растерять с таким трудом накопленное тепло.

В углу, одетые, прямо на одеялах раскинулись Юрко с Перепугом. Лениво переругиваются: Юрко — полушутя, Перепуг — полусердито. На полную их не хватает. Наконец и слова надоедают. Оба переворачиваются на другой бок и яростно пытаются задремать под монотонный стук дождя.

Зорька сидит на полу, как раз против входа, тесно прижавшись спиной к неструганой палаточной стойке, и смотрит в дождь.

Двери нет — есть светлый прямоугольник, и в нем раскисшее летное поле с намокшими и потемневшими самолетами.

И надо всем этим — дождь, дождь, дождь. Он накрыл землю полупрозрачной тюлевой завесой.

Над входом на закрученном брезенте скапливается вода, прорывается, и мчатся вниз худенькие резвые струйки. И от этих ручейков весь внешний мир становится полосатым, как пижама.

По душе разливается сладкая печаль. Сидит и тонкими пальцами тревожит прохладные гитарные струны:

В небесах мы летали одних,
Мы теряли друзей боевых.
Ну а тем, кому выпало жить,
Надо помнить о них и дружить...

Над самым ухом режутся в карты — в «козла». Только что кончился кон, теперь предстоит самое интересное — расплата.

— Пупок, ну-ка: «Бе-е!» Давай-давай!

— Му-у...

— Ладно, кончай выпендриваться. Айда, айда!

— Ну «бе».

— Громче давай, громче! А ты, Цыпа, подтягивай. Продули, так нечего теперь. Раз-два, погнали!

Дирижерский взмах — и в ответ нестройное, на два голоса:

— Бе-э-э-э-э!

У окна пишут письма. Пишут о погоде, о хорошей кормежке, о тяжелой, но радостной работе. А о войне ни слова.

Казак примостился на краешке кровати и скребет лист бумаги химическим карандашом, то и дело помусливая грифель. В окно пулеметом стучит дождь, бумага пахнет арбузом, и из-под его легкого пера рождаются вдохновенные строки: «Кормят на убой, погода прекрасная, все прекрасно».

И вдруг палаточный гам перекрывает одинокий страждущий голос:

— Тоска-а-а!

В самом дальнем углу на постели сидит Король, заживо закутанный в одеяло, и глаза его мрачны.

На момент все стихает, только слышно, как из протекшего палаточного неба с фанерным стуком падают капли мимо подставленного ведра.

Но тут все спохватываются, приходят в себя и, согнав с замутневших глаз вредный туман, с новой силой кидаются добивать скуку.

К Зорьке подходит комэска, берет гитару, небрежно чиркает прокуренным пальцем по струнам, и мгновенно вспыхивает залихватская песенка:

Пропеллер, громче песню пой,
Неся распластанные крылья.
За вечный мир на смертный бой
Лети, стальная эскадрилья!

Все подхватывают:

А мы заставим старшину
На нос наматывать портянки!

А дождь все нудит и нудит.

Звено «яков» натывается на четверку истребителей ФВ-190.

Казак, с ходу:

— Делай «шапку»!

Одна пара «яков» забирает вверх и оттуда наблюдает за происходящим. Вторая вступает в бой.

Как только на нашего заходит «фоккер», первая пара сваливается на него сверху, от солнца.

— Зорька, «фоккера» твои. Бей!

И Зорька с ходу заваливает одного.

Другой «фоккер», не рассчитав, сам подставляется под Зорькины пушки и лопается, блеснув снопом искр и кусками обшивки.

После успешного боевого вылета Казак с Зорькой идут по аэродрому. Зорька чего-то кислый.

— Зорий Яковлич, что нос повесил? Два «фоккера» успокоил. Или мало?

— Нормально. Но и в мой «ястребок» успели два снаряда всадить. Ошибку допустил — хотел проследить, где упадет сбитый. На том и подловили.

— Не ной, вперед наука.

Навстречу комполка, идет и улыбается.

— Ловко ты, сынок, этих «фоккеров» заклевал. Поздравляю со вторым боевым крещением! — Протягивает руку.

А Зорька чего-то тормозит.

— Часом, не заболел ли?

— Без привычки в ушах заложило. Не понял, что вы сказали, товарищ майор.

— Продуй! — Показывает, как это делается. — Ладно, пока отдохайте.

Отходит. Казак пытается Зорьку:

— Ну, как тебе нынче наш батя?

— Ничего... когда в настроении. Только для комполка не староват ли?

— Да, не из молодых. Ему уже тридцать пять.

Тут к Казаку бросается Варвар. Тихо поскуливая, он кружится около него и, выбрав момент, вскидывает передние лапы тому на плечи. Лижет в лицо — раз, другой.

Казак сбрасывает лапы, пристально смотрит на пса.

— Ладно, будешь летать со мной.

На Сандомирском плацдарме шесть наших «ястребков» сопровождают восьмерку штурмовиков.

«Илы» штурмуют крупный железнодорожный узел: образовав круг, спокойно делают свое дело — сперва бомбами, потом пушечным огнем.

А в это время «яки» бьются в «собачьей свалке». Снизу «фоккера», сверху «шмиты». В общем, все в мыле.

Король — штурмовиком:

— Горбатые, скоро ли?

— Кончаем!

Но вот «горбатые» после штурмовки собираются вместе и идут домой. «Яки» прикрывают.

Варвар в кабине «яка» рядом с Казаком. Удивительно пес ведет себя в небе: став на задние лапы, передние положив Казаку на правое плечо, а головой упершись в фонарь, непрерывно смотрит назад. Вдруг начинает истошно лаять. Шерсть на загривке встает дыбом.

И точно — на наших сверху сваливаются «мессера» — и Казака по правой плоскости.

Это страшное дело — видеть взрывы снарядов, приближающиеся к кабине. Последний разрывается, попав в бронестекло, — оно разлетается вдребезги.

За самолетом черный шлейф, горит правый бензобак. Казак кладет машину «листом» почти под девяносто градусов, скольжением срывает пламя.

Приземлился «с плюхом» (ну конечно, проехался лицом по прицелу). Откидывает фонарь. Первым выпрыгивает Варвар. Вылезает сам.

Зорька его сопровождает. Казак машет ему, что все нормально. Пес охраняет.

А «илы» в сопровождении «яков» уже подлетают к своему аэродрому.

Командир «летающих крепостей» доволен.

— Маленькие, благодарю за прикрытие, мы уже дома. До новой встречи в воздухе!

— Рады служить славным боевым труженикам!

Четкий строй «илов» идет красиво, крыло в крыло — залюбуешься.

И тут Король замечает, как снизу к штурмовикам подкрадываются два «мессера».

— Горбатые, «кресты», «кресты» снизу!

Он резко выворачивает свой самолет, ведет заградительный огонь — бесполезно — немец прет прямо к «илам».

— Горбатые, убирай шасси! Цыпа, атакуй!

Цыпа делает разворот на «месса», дает длинную очередь. «Месс» отворачивает. Король атакует второго.

Враг пытается уйти. Наши устремляются в погоню.

Король ворчит:

— Обнаглели гады! Проучить надо! Цыпа, за мной! Юрко, Перепуг, вы — с горбатыми! Айда!

Вот он настигает одного «месса», срубает его длинной очередью. Цыпа дает очередь по второму — а тот не падает.

— Цыпа, не спеши, спокойно, прикрою.

Цыпа продолжает сближение и с дистанции сто метров дает еще очередь. «Худой» клюет носом и наконец взрывается.

— Молодчик! Ну, айда до хаты.

Разворот — и домой.

В погожий денек, отдыхая после очередного боевого вылета, летчики лежат на земле, жмурятся от яркого солнышка.

Варвар дремлет, положив голову Казаку на ноги. Но вот он вздрагивает, поднимает голову.

Кто-то направляется к ним. Пес встает, сладко потягивается, машет хвостом, как бы извиняясь, и охотно бежит навстречу приближающемуся человеку. Ба, да это ж Мустафа, собственной персоной. Похудевший и как-то непривычно серьезный.

— Вот... и прибыл. Из самоволки.

Все обрушились на него. Облапили всей кучей. Задержали, затрясли, затискали.

Кое-как вырвался и встал перед ними. Потом крепко обнялся с каждым по очереди, застывая на секунду, и снова все облепили его и, тормоша, потащили кормить.

По пути, перебивая друг дружку, рассказывали ему последние полковые новости: кто сбил, кого сбили и т. д. и т. п.

Вечереет. После полетов летчики неподалеку от «яков» разожгли костерчик — в честь Мустафы — и пекут картошку.

До сих пор спокойно дремавший себе у костра Варвар вдруг резко вскакивает и, жалобно заскулив, сбегает прочь.

Все удивленно глядят ему вслед, не понимая, в чем дело. Кругом все тихо.

— С ума спятил, точняк. Варвар, Варвар!

Встают, идут искать собаку.

И тут доносится далекий неясный звук — какое-то посвистывание, что ли.

На восточной стороне аэродрома раздается страшный треск, грохот. Из темнеющего неба пикирует стая «фоккеров» и «шмиттов». Косой огонь хлещет по летному полю.

Все скопом валятся на землю, буквально втискиваются в нее, не смея пошевелиться.

Казак, сбросив оцепенение, мчится к своему самолету. Запрыгивает в кабину, запускает мотор.

Кругом все ходит ходуном, фонтанами взлетает земля. «Як» под ним прыгает, как пришпоренный конь. Куда там взлететь!

И снова тишина — ни взрывов, ни стрельбы. Сверху падают комья земли, и медленно оседают облака пыли. Фашистские истребители, пронесшись ураганом, растворяются в ослепительном закате.

Отец поднимает голову.

— Подъем! Хватит, повалялись, пора и честь знать.

Люди с оглядкой поднимаются с земли, отряхиваются, осматриваются. Странно — не пожаров, ни стонов раненых. Самолеты полка стоят в линейчку как ни в чем не бывало.

Отец облегченно вздыхает:

— Уф-ф! пронесло.

Мустафа подхватывает:

— И меня, батя, тоже.

Общий хохот. Отец сетует:

— Вернулся, фулюган, на мою седую голову.

Компания возвращается к костру. На месте кострища несколько круглых ямочек — следы от разрывов авиационных снарядов. А там, где только что сидели рядком, — воронка от бомбы. Головешки расшвыряны в разные стороны.

Цыпа запел дурашливо:

Ах, картошка — объеденье,

Пионеров идеал-ал-ал...

Король чешет в затылке.

— Да-а... А ведь если б не Варвар, мы бы все тоже тут валялись, как эти головешки. Ну, бандюга!

И пес, как бы принимая общую благодарность, приветливо крутит хвостом.

Утро. Звено идет к своим самолетам. Позади трусит Варвар. Казака подзывает комполка.

— Сынок, тебе отдохнуть надо. Гляди вон — одни глаза остались. В общем, так: поедешь в тыл на пару недель.

— Ты чего, Отец? Какой отдых на фронте!

— Ну, как знаешь. Свободен!

— Есть. — Отходит к своим.

Зорька продолжает разговор:

— Мужики, к нам, говорят, прилетели какие-то другие «фрицы». Это не фронтовая авиация, не «мессера», а «фокке-вульфы». Асы, эскадра Мельдерса. Коля, привет от «желтых кококов».

— А-а, «Веселые ребята», старые знакомые. И тут объявились. Ну что ж, придется заняться ими.

— Да уж, придется.

— Ладно, разберемся. Покажем гадам, кто в небе хозяин. Верно, Зорька?

— Верно, командир.

Расходятся по самолетам.

Самолет-разведчик, ненавистная всем фронтовикам «рама», идет под прикрытием четверки «мессеров». Наши, тоже звеном, навстречу.

Казак палит по «раме», и та, снижаясь, с дымком, начинает уходить.

— Зорька, добей эту!

Зорька атакует сверху сзади. ФВ-189 растет-растет в прицеле. Жмет на гашетки — мимо. Расходятся метрах в двадцати.

Зорька идет на косую петлю, не выпуская «раму» из поля зрения. На полной скорости заходит фашистской машине в лоб, чиркает по ней крылом.

От «рамы» что-то отлетает. Клевок. Удар о землю. Взрыв.

Зорька вопит от радости, бросает машину туда-сюда, взвизывает свечой в небо.

А Казак идет чуть в сторонке — стережет его.

Садится пара Казак—Зорька. Среди встречающих Король с Мустафой.

— Слышь, Мустафа, у Зорьки с машиной что-то не так. Вроде чего-то недостает.

— Так у него же правая плоскость короче левой! Точно — законцовка как ножом срезана.

— Зорька, в чем дело? — Указывает на плоскость.

— Сам поражен.

— Как же ты летел?

— Как обычно — носом вперед.

Ничего не добившись, Король машет рукой и идет к Казаку. Тот опережает его расспросы.

— Братцы, Зорьку качать надо — он таран совершил. Никак не могли добить «раму», весь боезапас израсходовали, тогда Зорька подошел к ней и крылом рубанул. Герой!

Все бросаются к Зорьке. Он заскакивает в кабину, закрывается фонарем и сидит там до тех пор, пока не успокаиваются.

...Во сне Зорька медленно бредет по пустому театру. Машинально толкает первую попавшуюся дверь, и прямо перед ним распахивается громадное сердце театра — зал и сцена. Горят лишь боковые лампы, в зале царит полумрак. Как загадочен и таинственен этот зал! Тяжелые ложи нависают над партером, как властные челюсти тиранов над согбенными спинами верноподданных. Весь дрожь от непонятного волнения, идет на сцену. Каждый шаг гулко отдается в звенящей пустоте зала.

Подошел к сцене и потрогал ее. На ощупь она была шершава и холодна. Прижался лбом к ее срезу и с минуту стоял так, не дыша, слыша только частые глухие удары чье-то сердца.

Внезапно слышится легкий шорох, потом скрип. Резко вскинул голову.

Тяжелый темный занавес медленно раскрывался, собирая в крупные складки свое неуклюжее рыхлое тело.

Казалось, вот-вот из-за кулис появится мятущийся гордый Фауст и за ним — бочком-бочком — узкий и коварный Мефисто. И прямо здесь, на стареньких подмостках, завяжется сиюминутный и вечный поединок Добра и Зла...

Противный вопль старшины «Подъем!» вмиг разрушает иллюзию.

Звено «яков» идет на прикрытие наземных войск. Вдруг Зорька:

— Командир, берегись, сзади «желтый кок»!

«Желтый кок» лезет на Казака (на фюзеляже — три «Тэ»: тузы пик, тref и червей).

А у Казака конь на фюзеляже, да еще номер тринадцать.

Казак с разворота дает очередь по нему. Тот взмывает вверх.

Его ведомый — за ним, но тут же плавно отваливает вправо вниз.

Казак с ходу просекает маневр.

— Подстава! Шалишь, гад, не те времена. Зорька, давай за ведомым!

А сам идет за ведущим. Тот взмывает свечой вверх.

Казак сокращает расстояние. «Желтый кок» делает левый поворот. Казак ложится на спину и идет за ним.

Немец-ведомый, описав круг, крутой восходящей спиралью пытается зайти Казаку в хвост. Зорька отгоняет его.

Зорьку обстреливает ведущий «желтый кок». Казак идет наперерез ведущему, входит в боевой разворот. «Желтый кок» проскальзывает мимо него.

— Зорька, побарражируй маленько — дай я этого «ганса» в лоб долбану!

Дважды сходятся в лобовых — безрезультатно.

И вот третья лобовая. «Як» и «фока» сближаются. Немец уже с большой дистанции открывает огонь. Трассы снарядов и пуль летят, кажется, прямо в лицо.

В определенный момент Казак круто бросает машину в сторону. Секунда — и мимо метеором проскакивает «фоккер». Пытается зайти Казаку в хвост, да поздно.

Опередив его в развороте, Казак сам оказывается сзади немца. Круглый фюзеляж «вульфа» заполняет весь прицел. Очередь!

«Желтый кок» вздрагивает, застывает на какую-то долю секунды и, пуская черные клубы дыма, рушится вниз.

— От винта-а!

Казак заходит на КП полка. Там уже все командование вплоть до комэсков.

Посреди на стуле сидит немецкий ас. Его допрашивают через переводчика.

— Разрешите, товарищ комполка.

— Заходи, заходи, герой. Видишь, сынок, «фоккер», которого ты сегодня рубанул, с какой начинкой оказался. — Переводчику: — Переведи этому, что вот наш летчик, который его сбил.

Переводчик толмачит — немец мотает головой.

— Он не верит, говорит: «Чтобы вот этот? Меня, аса люфтваффе!»

Король советует:

— А ты дай ему по морде, Казак, да так, чтоб он с катушек слетел, — враз поверит!

Общий хохот.

— Отставить смех!

И тут немецкий ас подходит к Казаку, тянет руку.

— Я врагам руки не подаю.

Немец обиделся, сразу отходит на свое место.

— Разрешите идти.

— Иди, иди, сынок. Бывай здоров.

Пара Казак—Зорька вылетает на прикрытие наземных войск.

Внезапно из-за облаков вываливаются «мессера».

Казак бросается отбивать, но поздно — его подбивают, он горит.

— Зорька, держись!

Теперь «мессы» атакуют Зорьку. Он вскакивает в облака, но тут же вываливается.

Внизу его уже поджидают две пары «мессеров». Он опять в облака.

Крутится-крутится, но все ж и его подбивают.

Зорька имитирует беспорядочное падение — «мессы» отваливают.

Он кое-как выравнивает самолет, но тут мотор начинает давать перебои, и через несколько секунд винт встает.

А садиться некуда — кругом лес.

Падает, срезая верхушки деревьев. Отлетает одно крыло, второе.

Казак с Зорькой бодро топают по дороге. Навстречу похоронная процессия.

— Братцы, кого хороним?

Король только руками всплеснул:

— Мать честная, так вас!

Обнимаются.

— Живы, чертяки!

— Да вроде.

— Ну, теперь будете жить вечно. Примета такая.

— Поживем — увидим.

Очередная «собачья свалка», Dog Fight, маневренный бой.

Крутятся тремя парами «яков» с восьмеркой «мессов». Зорька прикрывает ведущего.

Вдруг под самым носом вылезает «мессер», нацеливается сбить Казака. Зорька сразу на все гашетки — тот разлетается.

— Спасибо, братишка!

Продолжают бой.

— Зорька, гляди слева!

И точно — слева на того заходит «мессер». В последний момент Зорька уходит из-под атаки.

Казак замечает неладное.

— Юрко, где твой ведомый? Где Перепуг?

— Та бис йохго мамо знае! Ишчез.

— Ну Перепу-уг...

Отец подстегивает с земли:

— Казак, бросайте «шмиттов», уходите на точку!

— Рады бы бросить, Отец, да они не пускают. Зорька, прикрой, атакую.

— Бей, командир, я прикрываю.

Казак идет в лобовую на «месса» чуть боком, чтоб немецкая пулька в двигун не попала. Перед самым столкновением «дает ногу» и скольжением уходит с прямой линии. Разворотом на сто восемьдесят градусов заходит в хвост — и аут. Хитер, собака!

Прилетают все в мыле, а Перепуг уже сидит.

Вытаскивают из кабины. Берут в кружок, дают по морде — раз, другой.

Казак прерывает «учебу»:

— Отставить. Хватит с него. — Перепугу: — На платок, вытрись.

Уходят. Перепуг остается сидеть на земле.

Звено «яков» садится после боевого вылета. Король с Мустафой встречают.

Трое уже сели, только один мудрит: летит на бреющем, «стрижет траву» и вместо того, чтоб приземлиться, закладывает крутой вираж, проскакивая над аэродромом.

Король недоволен.

— Кто в воздухе?

— Перепуг.

— Чего он делает? Чего творит?!

— Это он всем свою храбрость показывает.

— Я ему покажу храбрость, я...

Перепуг опять проскакивает над летным полем, а в конце аэродрома внезапно врежется в землю.

Взрыв, столб дыма и огня, в общем — кранты.

— Ну и дурак.

Ужин. В столовой от трофейного движка ярко горит электричество.

Вдруг снаружи раздается нарастающий свист и грохот бомб. Поднимается переполох.

Кто-то лезет под стол (будто это поможет). Некоторые порываются выбежать на улицу — в дверях возникает давка. Сопят, кричат, кожатся — пытаются протиснуться в дверь.

И тут раздается знакомый хриловатый басок Отца:

— Совсем очумели, сынки! Немец давно улетел и кофэ пьет.

Помаленьку приходят в себя — пошли подначки.

Шестерка «яков» сопровождает девятку «пешек» на бомбардировку переправы Альдам под Штеттином.

До переправы уже рукой подать, когда на встрече нарисовались восемь «фоккеров».

Король с ходу идет в атаку.

— Цыпа, я бью переднего ведущего.

— Давай, командир, я прикрою.

На лобовой, когда немец откатнулся, Король ему очередь в брюхо. Тот сразу вспыхивает и уходит в пике. Король — за ним.

— Командир, прекрати! Выходи из боя!

Тот было выходить, да тут снизу слева как шарахнет в правое крыло. Взрывается бак — и машину сразу охватывает пламя.

Король пытается сбить пламя, но снова удар снизу. Оказывается, это два «фоки»-охотника изошряются — расстреливают его почти в упор.

Цыпа атакует одного, а к нему уже сзади другой пристраивается — сейчас сожрет.

И Король последним усилием воли таранит этого ловкача — бьет под углом спереди между плоскостью и кабиной.

После удара «як» делает разворот через левое крыло вокруг фюзеляжа немца и рассыпается в куски. Немец тоже.

Облака по всему небушку тонкие-тонкие и белые-белые, будто первый снег выпал. И только синенькие просветы, как у сугробов. И притом все движется.

Столовая, вечер. Ужинают в молчании, только приглушенно позвякивают ножи, вилки.

Вдруг Цыпа ударяет кулаком по столу:

— Лучше бы самому погибнуть, чем так...

Мустафа непривычно для него резок:

— Выбрось эту чушь из головы! Так легче всего, только Короля этим не воротишь.

Молча поужинали, молча расходятся.

Пара Казак—Зорька готовится к вылету. Подходит комполка.

— Сынки, я полечу с вами. В паре с летчиком из первой, Леней Красновым.

Казак предлагает:

— Так, может, поведете звено?

— Нет, нет, сынок, я давно не летал — давай уж ты командуй.

— Есть.

Четверка наших идет на патрулирование. Но вот на солнце блеснули «мессера». Казак по радио предупреждает:

— Отец, по курсу — «мессы»! Четверка!

— Вижу.

«Мессера» стремительно, рывком набрасываются на пару Казак—Зорька. Защищаясь, те подставляют им носы своих «яков» и встречают огнем. «Мессы» моментально уходят вверх и кидаются на пару комполка. А тот почему-то медлит.

Казак опять встречает:

— Отец, «мессы» прут на вас! Встречайте!

Тот, спохватившись, бросает свой самолет на немцев, но уже поздно. По его ведомому хлещет очередь. Пара «мессов», проскочив мимо комполка и обдав его пулеметным огнем, смывается.

А обстрелянный «як» ведомого резко взмывает вверх и делает петлю, после петли идет на крутую «горку» и, свалившись на крыло, отвесно пикирует вниз.

Казак одергивает его:

— Краснуха, прекратить баловство! Пристроиться! — Ноль внимания.

А самолетик, как заведенный, продолжает выписывать те же замысловатые фигуры, постепенно теряя высоту.

Казак пытается подойти к нему вплотную — не сразу, но ему это удастся. Он видит: все кончено. Отваливает в сторону.

А тот сразу переворачивается и, пикируя, отвесно врезается в землю.

После посадки Казак подходит к одиноко стоящему полкачу, докладывает:

— Товарищ майор, задание выполнено. В районе патрулирования сверху были атакованы четверкой «мессершмиттов». Один наш самолет сбит. Какие будут замечания?

— Замечания... Кому? Мальчонку этого я себе никогда не прошу! Да, сынок, чтобы уметь воевать — надо летать. Все, вылетался старик, кончился. — Машет рукой и уходит сгорбившись.

В ожидании вылета, положив руки под голову, Казак с Зорькой лежат на траве и глядят в небо.

— Эх, хорош денек будет! Дышится легко.

— Знаешь, Коля, так неохота лететь, просто душа не лежит. Что-то вспомнилось, как горел над Вислой...

— Да ладно тебе, Зорька, что ты скис, в самом деле. Брось, парень! Встряхнись! Зеленая ракета.

«Яки» идут звеном. В воздухе дымка, видимость плохая.

— Зорька, чего отстаешь?

— Я же не на твоей кобыле.

— Сам ты кобыла! Зачем моего Орлика обижаешь?

Вдруг сверху из дымки вываливается «мессер». Казак маневрирует, и «месс» проскакивает мимо.

— Зорька, «худой» в хвосте!

А тот словно не слышит — идет по прямой.

— «Худой» в хвосте! «Худой»...

Сверкающая струя из пушек и пулеметов пронизывает самолет Зорьки. Из правого крыла вырываются красные и черные языки. Но Зорька несколькими размашистыми бочками срывает пламя и, плавно остановив машину от вращения, спокойно идет по прямой.

Вдруг его «як» спотыкается, клюет носом и входит в крутую правую спираль.

— Прыгай, братишка, прыгай!

«Як» уже охвачен пламенем, а Зорька все не прыгает. Позабыв обо всем, Казак беспомощно кружит вокруг.

Наконец от самолета отрывается черный клубок, и из него вытягивается, постепенно надуваясь, белый хвост.

Купол парашюта зонтом повисает в воздухе. Под зонтом медленно раскачивается Зорька.

Казак пытается прикрыть друга крылом, но тут выскакивает «мессер» и в упор расстреливает его в воздухе. Купол вспыхивает, и он ярким факелом стремительно несет к земле.

Казак слышит свой дикий крик:

— А-а-а-а!

Немец пытается удрать, Казак гонится за ним.

Гад идет метрах в ста, снижаясь на подходе к своему аэродрому.

Когда дистанция между ними сокращается до двухсот метров, Казак начинает стрелять. Мимо, снова мимо. Руки, собаки, дрожат.

Фашист замечает, что трасса идет, и еще ближе прижимается к земле.

Казак догоняет.

И тут зенитный огонь. В кабине становится красно от эрликоновых трасс.

Немец маневрирует, идет со скольжением.

Казак тоже скольжением выходит из-под огня зениток.

Наконец загоняет гада. Очередь, еще, еще.

Тот сразу «вспухает», теряет скорость.

Казак догоняет и еще, еще.

Гад — в землю, только пыль столбом.

Казак чуть сам за ним не врежется. В последний момент задирает нос и чуть ли не хвостом вперед, «коброй» выходит из пикирования.

Выскакивает из этой пыли, разворот вправо — и домой.

Ребята сидят у свежей могилы. Молча.

И вдруг кому-то (а может — всем разом) приходит в голову песня — его песня. И над сонной мертвечиной, вздыбленная лужеными глотками, взлетает светлая мелодия:

Почему черемуха,
Почему цвела?
Почему ты, девушка,
Не со мной была?

И плывет в бескрайней голубизне чистый и звонкий Зорькин голос, и выплескивается в этот голос вся душа его — простая, добрая, исконно русская.

Я — чудака, с чудачками знаком,
Я недаром звался чудаком.
Широка дорога, далека...
Вот такая песня чудака.

Небо бездонное-бескрайнее. И пустое, без облаков.

«Яки» сопровождают штурмовиков на уничтожение танков противника.

Двенадцать «илов», двумя шестерками, крыло в крыло, снижаясь, ныряют в клубящуюся мглу. Восьмерка «яков» остается сверху.

Штурмовики работают по танкам.

Огненные разноцветные нити тянутся к земле — туда, где в небольшой ложине сгрудилось целое стадо «тигров». На броне — букашками — пехота.

За шквалом снарядов и пуль со штурмовиков сыплются противотанковые бомбы. Они накрывают вражеское скопище. Лощина полыхает.

«Ястребки» кружатся над ними, прикрывают. Но противника в воздухе нет, а «илы» горят один за другим. Оказывается, зенитки, три батареи.

Мустафа штурмует одну — подавляет. Переносит огонь на вторую, но тут его самого ка-ак шарахнет.

Мотор разбит, кипящее масло льется на голову.

Отворачивает от цели, чтобы только домой дотянуть.

А мотор «тыр-тыр», «тыр-тыр» — то пашет, то встанет.

Чуть ниже Мустафы летит «ил» побитый, за ним черный дым шлейфом, в плоскости дыра.

Мустафа, почти весело:

— Горбатый, горбатый, я через твою дырку в плоскости на мир люблюсь.

— Пошел ты...

Треск в наушниках.

— Иду, родной, иду.

Кое-как дотягивают до аэродрома.

— Живем, горбатый.

— Живем, маленький.

Казак вылетает на «свободную охоту». На борту самолета свежая надпись «За Зорьку!».

Вот он в одиночку буром прет на четверку «мессеров». Те разлетаются в разные стороны, а один не успевает.

Казак набрасывается на него. Первая трасса мимо.

Немец свечой вверх выходит из-под атаки.

Казак догоняет и на вертикали почти в упор расстреливает его.

Зрелище жуткое: «месс» разваливается на четыре части, отваливаются плоскости, хвост. Фюзеляж только вспыхивает немного, а гореть уже нечему. И эти куски начинают падать...

Казак, бешено:

— За Зорьку!

Казак ведет звено на штурмовку. Выходят на позицию — большую железнодорожную станцию.

Внизу куча составов с пушками, танками на платформах, цистернами. Даже бронепоезд стоит под парами.

Командует:

— Штурманем! Ну, братва, гляди в оба!

Сперва пикируют на бронепоезд — бомбы ложатся точно в цель, от «броника» только пар идет. С платформ сыплются орудия, валяются танки.

На втором заходе атакуют цистерны с горючим. От мощных огненных струй те раскрываются, как яйца. И оттуда выплескивается пламя.

Земля горит и дыбится, поднимая в воздух обломки вагонов, расшвыривая по сторонам искореженную боевую технику. Польша здорово!

— Ша! Идем домой.

Пока зенитчики опомнились — их и след простыл.

Весна. Казак идет к самолету. Вдруг откуда ни возьмись — Валечка.

— Разрешите доложить, товарищ старший лейтенант!

— Валюш, ты откуда?

— Сказала же, что найду, вот и нашла. Я теперь оружейница в нашем полку.

— Я так рад, Валя.

— А я как рада, Коля.

Вечер. Казак с Валею гуляют по опушке леса. На голове у Вали — веночек из полевых цветов.

Подходят к его «яку». Валя поглаживает машину по борту.

Два «фоккера» бесшумно валяются с неба, за ними — еще пара. Сзади четверки истребителей, вытянувшись в колонну, несется основная волна фашистских самолетов.

На землю обрушивается лавина бомб, снарядов и пуль. Вспыхивает бензозаправщик.

Казак — Вале:

— Ложись! Ложись!

Вместо того чтоб упасть и вжаться в землю, та делает шаг вперед. Миг — и она закрывает его собой.

Взрыв! Шквал осколков.

Закатное солнце и уходящие вражеские самолеты.

Казак приходит в себя. У его ног лежит шматок от бомбы. Он берет еще горячий осколок в руки.

Казак осматривает-ощупывает себя. Все в норме. И тут видит Валею.

Она лежит на спине неподвижно. На голове — веночек, весь из красных цветов. И глаза у нее иные, льдистые, словно в них замерзли слезы.

Казак бросается к Вале, падает на колени, прижимается к изорванному телу. Его оттаскивают.

Казак сидит на крыльце столовой, курит. Подходит Отец.

— Ну что, сынок, айда на ужин...

Осекся. Садится рядом, тоже закуривает.

— Ну что тут поделаешь — человека не вернешь. Жаль Валюшку...

— Это не ее убили, батя, — меня убили. — Встает и уходит прочь.

Отец роняет вслед:

— Эх, ребята... — Машет рукой.

На аэродроме военкор беседует с Казаком.

— А вам приходилось убивать мирных жителей?

— Да как тебе сказать... Вот, к примеру, посылают меня на штурмовку. Захожу в атаку по колонне — на дороге люди, телеги, повозки — и расстреливаю всех до упора. Откуда я знаю — может, там и мирные жители, женщины, дети, сверху не видно, мне поставили задачу — я выполняю. На то война. Так и они тоже. Верно ведь?

— И не жалко?

— Мои руки по локоть в крови, но я ни о чем не жалею.

— А после войны чем думаете заняться? Что вы смеетесь?

— «Если ты проживешь долго...» — такая хохма у нас, истребителей. Мы — смертники, военкор, живем одним часом, о будущем не думаем. Как в песне поется:

Вы меня простите, я вам говорю,
В следующей атаке обязательно сгорю.

Я тебе честно скажу, что готов погибнуть. В воздушном бою, в драке можно и умереть. Лишь бы не по-глупому, не оттого, что зевнул — проспал атаку. Пока везет.

— А каков ваш личный боевой счет?

— Лично сбил десять самолетов врага и шесть своих.

— Как это — своих? Да вы шутите...

— Никак нет. Своих в смысле, что меня самого шесть раз сбивали.

— Вы что — заговоренный?

— Сам удивляюсь. Ну все, мне пора. Будь. — Уходит.

Звено «яков» идет над Берлином. Казак смотрит вниз.

Украины города какие-то слишком чистенькие, ухоженные — никаких следов войны. Чем ближе к центру, тем все больше разрушений и пожаров. А вот и центр — «логово». Вниз страшно смотреть — там творится что-то невероятное! Пылают здания, клубы черного дыма возносятся к небу. Беспорядочные вспышки орудийных выстрелов, разрывы бомб и снарядов. Все это прошивается разноцветными трассами выстрелов.

В воздухе, куда ни глянь, всюду наши самолеты: «яшки», «лашки», «пешки», «илюшки» — так и кишат.

Вот появляются «мессера», но тут же смываются. «Яки» было погнались за ними — да где там!

Ночь. Полевой аэродром в лесу под Берлином.

Вдруг стрельба, разрывы, зенитки бьют.

Все выскакивают. В суматохе никто ничего понять не может.

Отец вопит сквозь слезы:

— Сынки, война кончилась! Салют!

Пальба, грохот, вопли просто оглушают.

И Варвар носится, как бешеный, и неистово лает-заливается. Его не слышно.

Утро. Летчики, замерев, стоят на летном поле.

Тишина жуткая, прямо гнетущая.

И Казак опускается наземь и с непривычки затыкает уши.

Третья эскадрилья фотографируется на фоне рейхстага с левой стороны от входа. Все новички, из прежних один Казак (он — с краю). Потом подходят к рейхстагу расписаться, а там уже все расписано.

Казак обращается к однополчанам:

— Ну-ка, молодежь, подсади.

Его подсаживают.

Он пишет куском щебенки: «Зорька Данович и Колька Казак были здесь 6 мая 1945». И ставит жирную точку.

Молодой старшина приносит гармошку. И пошло веселье: поют, пляшут.

А Казак садится на ступеньки и закрывает глаза.

И на месте нынешнего молодняка видит свою прежнюю эскадрилью: «дедов», так и не разменявших тридцатник (а кто и двадцатник). Тут и Король, комэска, и Мустафа, и Юрко, и Курт с Пупком, и Цыпа, и Перепуг, и Вьюн, и Рыжий, и Калаш. И конечно, Зорька. Тоже пляшут, причем лихо пляшут.

И Казак тихо улыбается во сне.

И улыбка его страшна.

Открывает глаза. Перед ним стоит Валя.

И взявшись за руки, они идут по поверженному Берлину и тихо уходят в диафрагму. В вечность.

...Под зияющим синим небом летят ребята. Машут руками, кричат что-то. И отстают, становятся все меньше и меньше, а из-за их спин вспучивается огромное пузо Земли. Но вот и оно все меньше, меньше...